

A photograph of a woman in a headscarf and coat filling a white bag with flour at a bakery counter. The scene is set in a bakery with shelves in the background and a display case in the foreground. The woman is focused on her task, and the atmosphere is one of quiet industry. The text 'Владимир Кожевников' is overlaid at the top.

Владимир Кожевников

Синдром дефицита

Владимир Кожевников

Синдром дефицита

<https://litres.ru/74426707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинград, 1987 год. Марина — логист из будущего, привыкшая к точным прогнозам и умным алгоритмам, внезапно оказывается в теле Галины Соловьёвой, заведующей умирающего «диетического» гастронома. Вокруг — пустые полки, талоны, очереди и всепроникающая власть теневых дельцов, для которых дефицит — источник прибыли.

Но Марина не намерена мириться. Вооружившись знаниями о мерчандайзинге, управлении запасами и прямых поставках, она начинает реформы. Её цель — сделать магазин местом, где люди могут купить еду, а не вымаливать её. Однако каждая её победа — от фасовки соли до договорённостей с совхозами — лишь раззадоривает тех, кто годами строил свой бизнес на пустоте.

Теперь ей предстоит схватка не только с системой, но и с собственной моралью: можно ли изменить мир, который не хочет меняться? И какова цена одной лавки, ради которой приходится рисковать всем — включая собственную жизнь?

Содержание

Глава 1. Овощебаза как предчувствие	4
Глава 2. Инвентаризация	9
Глава 3. Людское море	14
Глава 4. Фасовка	21
Глава 5. Проверяющий	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Кожевников

Синдром дефицита

Глава 1. Овощебаза как предчувствие

Труп пах не смертью. Он пах гнилой картошкой.

Это было первое, что осознала Марина, когда вдохнула воздух, оказавшийся не кондиционированной прохладой оупенспейса с привкусом кофе из автомата, а плотной, почти осязаемой субстанцией. В этом воздухе смешалось всё: сырая земля, прилипшая к мешковине, кислый дух квашеной капусты, формальдегид, которым, казалось, были пропитаны сами стены, и поверх всего — удушающий, сладковатый аромат разложения. Она лежала на чем-то твердом, уткнувшись носом в локоть, и каждой клеточкой тела ощущала низкую, утробную вибрацию. Где-то рядом, совсем близко, стоял раненый зверь — огромный промышленный холодильник, агонизирующий в предсмертной судороге.

Веки не поддавались, налитые свинцом. В мутной пелене проступили очертания: дощатый потолок в паутине, тусклая лампочка на черном проводе, и бесконечные ряды ящиков, уходящие в полумрак. Ящики громоздились до самого верха,

образуя угрожающе накренившиеся башни. Из многих вываливалось содержимое — блеклая картошка в черных язвах гнили, сморщенная морковь, почерневшие луковицы. Прямо перед ней, в вязкой луже, полузатонул огурец. Его бока провалились, кожа покрылась белесым пушком. Зрелище было настолько отвратительным, что Марина на секунду забыла, как дышать.

Она не помнила, как здесь оказалась.

Последнее, что сохранила память — панорамные окна конференц-зала, графики прогнозирования спроса на интерактивной панели и мигающий курсор в ячейке рабочей таблицы. Она хотела изменить формулу, скорректировать коэффициент сезонности... А потом — темнота и этот запах.

Тело было чужое. Руки — коротковатые, с грубой, потрескавшейся кожей и обломанными ногтями. Одежда — плотное, колючее пальто с чужого плеча, впившееся в шею, и тяжелые, жутко неудобные сапоги. Голова раскалывалась, а во рту стоял мерзкий привкус, будто она наелась сырой земли. Марина попыталась приподняться, и в этот момент из-за ящиков бесшумно выскользнула фигура.

Это была женщина. Неопределенного возраста, в сером ватнике поверх такого же серого платья, в платке, повязанном низко на лоб. Лицо — испитое, с глубокими складками у рта. Глаза, маленькие и тусклые, как у рыбы на прилавке, безучастно скользнули по Марине.

— Очухалась, Соловьева? — голос был сиплый, проку-

ренный. — А я уж думала, коньки отбросишь. Прямо на бочке с селедкой сомлела.

Марина молчала. Соловьева? Она открыла рот, чтобы возразить, сказать, что произошла чудовищная ошибка, но из горла вырвался лишь невнятный хрип. Чужой голос. Чужое тело. Чужое имя. Она сглотнула, пытаясь унять подкатившую тошноту.

— Молчишь? Вот и правильно. Неча языком трепать. — Женщина подошла ближе. От нее пахло перегаром и табаком. — Поднимайся. Иди, умойся. На тебя уже люди смотреть боятся. Завбазой называется... — Она сплюнула в лужу. — И как только таких на должность назначают?

Марина, пошатываясь, поднялась. Мир плыл. Она шла, опираясь на липкие, шершавые ящики, чувствуя, как под пальцами хрустит гниль. Женщина вела ее через лабиринт овощного кладбища, мимо гор подпорченных фруктов, мимо бидонов с кислым молоком, мимо ледяных глыб, оставшихся от растаявшего морозильника. Где-то капала вода, монотонно, как метроном.

Наконец, они вышли в закуток, отделенный фанерной перегородкой. Умывальник с ржавым носиком, мутное зеркало с трещиной, колченогий стол, заваленный бумагами. Марина приблизилась к зеркалу и невольно отшатнулась.

На нее смотрело лицо, которого она не знала. Женщина лет сорока. Темные волосы, стянутые в тугий пучок, открывали высокий лоб с залегшими морщинами. Брови —

густые, почти сросшиеся. Глаза — серые, усталые, с красными прожилками. И странная, затаенная горечь в складке губ. На скуле — большой лиловый синяк. Это была не Марина. Это была Галина Соловьева, заведующая продовольственной базой, та самая, которую «сослали» руководить отстающим «диетическим» гастрономом. Так значилось в личном деле, которое Марина изучала накануне, готовя отчет по эффективности розничных точек. Ирония судьбы. Чудовищная, безумная ирония.

Она открыла кран. Вместо воды — шипение и несколько капель ржавой жижи.

— Работает, родимый. Через раз, — хмыкнула женщина за спиной. — Иди в туалет, там должна быть вода.

Марина стояла, вцепившись в края умывальника. В голове выстраивалась единственно возможная, пугающая картина: она, человек, который мог удержать в голове сложнейшие логистические схемы, оказалась в теле заведующей советским гастрономом. В Ленинграде. В 1980-х годах. В мире, где нет интернета, смартфонов и даже нормальной воды. В мире, где её навыки, её знания, вся её суть — не просто бесполезна, а не ко двору.

Ей стало страшно. По-настоящему, животно. Она, привыкшая решать задачи, стоящие миллионы, оказалась бессильна перед этим миром. Миром, где главная задача — не потерять талоны на мыло, и где гнилая картошка — это не убыток в отчетности, а основа чьего-то выживания.

Она медленно повернулась к женщине.

— Как тебя зовут? — спросила Марина чужим, хриплым голосом.

Женщина удивленно вскинула бровь.

— Раиса я. Раиса Павловна. Старший продавец. Забыла, что ль?

— Раиса Павловна, — Марина обвела взглядом пространство, заваленное гниющими продуктами. Её глаза, глаза Галины Соловьевой, постепенно обретали жесткость. Страх не ушел. Он спрятался глубоко, уступив место холодному анализу. — Принесите мне книгу учета товарных остатков. И журнал приема-передачи смены.

Раиса Павловна уставилась на нее так, будто впервые видела.

— Чего?

— Книгу. Учета. Остатков. — повторила Марина отдельно. — И журнал. Приема-передачи. Смены. Вы знаете, где они лежат?

— Да знаю я... — растерянно пробормотала продавец.

— Ну так принесите. И позовите всех, кто есть в магазине. Будем знакомиться.

Раиса Павловна попятилась к выходу, не сводя с Марины глаз, в которых впервые за все время мелькнуло что-то, похожее на тревогу. Марина осталась одна. Она снова повернулась к зеркалу. Завтра ей предстояло начать. Нет, не завтра. Сейчас.

Глава 2. Инвентаризация

Утро встретило Марину запахом сырости и жженой резины. Она проснулась в маленькой комнатухе позади торгового зала, где стояли железная кровать с панцирной сеткой, стол с облупившимся лаком и платяной шкаф, из которого выглядывало чье-то старое пальто. Всю ночь она провела, изучая бумаги, которые принесла Раиса Павловна. Точнее, не изучая, а пытаясь расшифровать. Книга учета товарных остатков представляла собой потрепанную тетрадь в клеточку, заполненную убогим, неразборчивым почерком, с многочисленными исправлениями и подчистками. Записи не сходились. Более того, они откровенно противоречили друг другу.

Марина умылась ледяной водой из крана, который на этот раз соизволил работать, надела то самое колючее пальто, которое, как выяснилось, принадлежало Галине, и вышла в торговый зал.

То, что она увидела, заставило ее на мгновение замереть. Вчерашняя овощебаза была лишь преддверием этого ада. Торговый зал был пуст. Не просто пуст, а пугающе, уныло пуст. Ряды металлических стеллажей, рассчитанных, судя по всему, на изобилие, сияли голым металлом. Лишь на одной полке, словно выброшенные на берег после кораблекрушения, сиротливо лежали три банки с этикеткой «Морская ка-

пуста», несколько пачек соли и одинокий пакет с лавровым листом. В углу, на специальном поддоне, высилась горка каменной соли, больше похожей на песчаник.

За прилавком, заменявшим хлебный отдел, стояла Раиса Павловна. В том же сером ватнике, с тем же безучастным лицом. Перед ней, на деревянной доске, лежало несколько буханок. Хлеб был кирпичиком, тяжелым, с глубокими трещинами на корке. Очередь из женщин, закутанных в одинаковые серые платки, тянулась от прилавка до самых дверей. Женщины стояли молча, лишь изредка переговариваясь вполголоса. Их глаза, пустые и усталые, скользили по пустым полкам.

Марина прошла вдоль стеллажей, чувствуя, как в груди поднимается волна гнева. Не на этих измученных людей, не на эту уставшую продавщицу, а на чудовищную, противозастенную систему, доведшую всех до такого состояния. В её мире, в её времени, такой магазин просто не выжил бы. Его бы смели конкуренты, а покупатели ушли бы в другой, не простояв и дня.

В подсобке, куда она заглянула, творился хаос. Ящики с бутылками «Нарзана» соседствовали с мешками муки, на которых спал грузчик. Парень молодой, лет двадцати, в грязном фартуке, храпел, не обращая внимания на суету вокруг. Увидев Марину, он лениво приоткрыл один глаз и поинтересовался:

— Ну чё, начальник, когда получка?

— Как зовут? — спросила Марина.

— Сергей. Серега я, — он неохотно сел, почесывая затылок. — А вы новенькая?

— Заведующая. Галина Соловьева. — Марине всё еще странно было произносить это имя. — Встань. И объясни, почему мука хранится рядом с водой?

Серега недоуменно уставился на ящики.

— А чё такого? Она в мешках. Не просыпется.

— Вода потечет, мешок намокнет, мука пропадет. Неужели непонятно?

— А, — Серега зевнул. — Так это «Нарзан», он не потечет. Он пустой.

— Что значит пустой?

— Пустой. Для развлечения. — Он сказал это как о чем-то само собой разумеющемся. — Бутылки собираем, моем, опять заливаем. План же.

Марина почувствовала, как у нее сжалось горло. План. Вот оно. То самое слово, которое управляло этим миром. План по сдаче стеклотары, план по продаже безалкогольных напитков, план по обороту. И для выполнения плана здесь готовы на всё. Даже продавать воду под видом «Нарзана».

В этот момент дверь в подсобку распахнулась, и влетела женщина неопределенного возраста с ярко накрашенными губами и в мохеровой шапке. Она была явно не из посетитель. Слишком уверенная походка, слишком цепкий, оценивающий взгляд.

— Галина Степановна, — затараторила она, поправляя шапку, — привезли «Лимпопо». Две коробки. Куда ставить?

Марина не сразу поняла, о чем речь. Потом догадалась: «Лимпопо» — это такой детский стиральный порошок. Дефицит.

— В подсобку, — ответила она. — Под замок.

Женщина удивленно вскинула накрашенные брови.

— А в зал?

— В зал выставим после переучета. Сначала посчитаем всё, что есть. Каждую банку, каждую пачку. Потом будем решать, что и как продавать.

Женщина переглянулась с Серегой, который уже поднялся и теперь с интересом слушал разговор.

— Это что же, — медленно произнесла она, — под реализацию? Всё?

— Под инвентаризацию, — поправила Марина. — Слишком много несостыковок в документах. Я должна знать, чем мы торгуем.

— Поня-я-ятно, — протянула женщина. — Ну-ну. А я — Люся. Люська-порошок. В смысле, кличут так. Потому что порошок отовариваю. — Она усмехнулась, но глаза оставались серьезными и настороженными. — Так что, Соловьева, ты решила нам контору устроить? Это ты зря. Люди отвыкли от порядков.

— Придется привыкать, — холодно ответила Марина. — Идите за Раисой Павловной. Соберите всех. Через пятна-

дцать минут — общее собрание. В зале.

Люся-порошок фыркнула и вышла, недовольно качая головой. Серега тоже куда-то исчез. Марина осталась одна среди мешков и бутылок. Она подошла к окну, за которым сгустились серые ленинградские сумерки. По улице, кутаясь в пальто, брел одинокий прохожий. У него в руке была авоська, в которой что-то звякало. Наверное, бутылки с кефиром. Или пустая тара для сдачи.

Она отвернулась и оглядела подсобку. Потом достала из кармана пальто огрызок карандаша, который нашла вчера на столе, и старый чек. На обороте она начала писать. Список того, что нужно сделать в первую очередь. Восстановить порядок хранения. Провести полную инвентаризацию. Выявить несостыковки. Наладить фасовку. Она писала и думала о том, что в её мире это заняло бы один клик мышкой. Здесь же — возможно, месяцы. Или годы. Или не получится вовсе. Но попытаться стоило.

Глава 3. Людское море

Общее собрание коллектива больше походило на сходку заговорщиков. Люди сгрудились в центре пустого торгового зала, между голыми стеллажами, и молча разглядывали Марину. Их было шестеро: Раиса Павловна, всё в том же сером ватнике, Люся-порошок с поджатыми яркими губами, Серега-грузчик, заспанный и взъерошенный, и еще три женщины, которых Марина видела впервые. Одна из них, высокая, костлявая, с острым птичьим лицом, стояла в стороне, скрестив руки на груди. Другая, совсем молоденькая, лет восемнадцати, робко жалась к Раисе Павловне. Третья, пожилая, с тяжелым пучком седых волос, сидела на перевернутом ящике и, казалось, дремала.

Марина обвела их взглядом. Шесть человек. Шесть судеб, втиснутых в этот унылый гастронорм. Шесть пар глаз, в которых не было ни надежды, ни злости — только усталая, всепоглощающая апатия. Она вдруг остро почувствовала, насколько она здесь чужая. Не как попаданка из другого времени, а как человек, привыкший работать с командами профессионалов, мотивированных зарплатой, карьерным ростом, корпоративной культурой. Здесь же не было ни мотивации, ни культуры, ни даже зарплаты в нормальном смысле этого слова.

— Меня зовут Галина Степановна Соловьева, — начала

она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я назначена заведующей этим магазином. Моя задача — навести здесь порядок.

В ответ — тишина. Лишь Серега шумно вздохнул и переступил с ноги на ногу.

— Я вчера изучила книгу учета. — Марина достала из кармана тетрадь, которую продержала в руках всю ночь. — В ней зафиксировано поступление трех тонн картофеля за прошлый месяц. Могу я увидеть этот картофель?

Раиса Павловна хмыкнула.

— Так сгнил уже. Весь. По акту списали.

— По акту? — Марина перелистнула страницу. — Я вижу акт на тонну. А где еще две?

— Дык, естественная убыль, — встряла Люся-порошок. — Ты что, заведующая, норм не знаешь? На картофель — до трех процентов. А у нас тут, сама видишь, хранилище — дыра. Вот и гниет.

— Три процента от трех тонн — это девяносто килограммов, — медленно произнесла Марина. — Куда делись остальные?

Повисла пауза. Слишком долгая. Марина видела, как переглянулись Раиса и Люся. Как птичья женщина у стены едва заметно усмехнулась. Как молоденькая продавщица втянула голову в плечи. Пахло страхом. Тем самым липким, застарелым страхом перед начальством, который заставлял людей врать, изворачиваться и покрывать друг друга.

— Вы что же, Галина Степановна, — голос подала птичья женщина, — нас в воровстве обвиняете?

— Я никого ни в чем не обвиняю, — ответила Марина. — Я констатирую факт. Учет не ведется. Товар исчезает в неизвестном направлении. Полки пустые. Если так пойдет и дальше, магазин закроют. А вы останетесь на улице.

— Не закроют, — отрезала птичья женщина. — План дают, значит, нужны. Кто будет людям хлеб выдавать?

— Хлеб можно выдавать и из ларька, — парировала Марина. — А гастроном перепрофилируют. В овощную базу, например. Или в склад для списанной мебели. Вы этого хотите?

Впервые в глазах собравшихся мелькнуло что-то, похожее на интерес. Точнее, на испуг. Слово «перепрофилируют» прозвучало как приговор.

— И чё ты предлагаешь? — спросил Серега.

— Предлагаю начать с малого. Пересчитать всё, что есть. Потом наладить фасовку. Потом разобраться с поставками. Потом — с хранением. Постепенно. Но начать нужно сегодня.

И тут заговорила пожилая женщина, которая всё это время сидела с закрытыми глазами. Голос у нее оказался неожиданно звучным, с командирскими нотками.

— А ты вообще кто такая, милочка, чтобы нам указывать? — она открыла глаза и вперила в Марину немигающий взгляд. — Пришла на готовое, хочешь, чтобы мы за тебя всю

грязную работу сделали? Не выйдет. У нас до тебя знаешь, сколько таких реформаторов было? Все приходили, обещали. А потом — либо сбегали, либо спивались, либо садились. Или под поезд. Так что ты, Соловьева, лучше не выступай. Сиди тихо, получай свои двести рублей и не мешай людям жить.

Это было уже не просто враждебность. Это было предупреждение. Марина почувствовала, как холодок пробежал по спине. Перед ней была не просто уставшая продавщица. Перед ней была хранительница местных порядков, знавшая все ходы и выходы. Такие люди опаснее любого начальства.

— Как ваше имя? — спросила Марина.

— Антонина я. Антонина Федоровна. — Женщина слегка раздула ноздри. — Старший продавец хлебного отдела. С тридцать шестого года в торговле. Можешь не проверять, у меня всё чисто.

— Я не сомневаюсь, Антонина Федоровна, — Марина постаралась придать голосу максимум спокойствия. — И я никому не мешаю жить. Но и мешать мне не позволю. Если у кого-то есть предложения или возражения — я готова выслушать. В остальном — работаем.

Она повернулась к Сереге:

— Сергей, принеси из подсобки все ящики с консервами. Будем пересчитывать.

Серега неохотно кивнул и поплелся в подсобку. Люся-порошок фыркнула, но осталась на месте. Антонина Федоров-

на снова закрыла глаза, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Остальные продолжали молча наблюдать за Мариной.

День тянулся, как резина. Инвентаризация превратилась в пытку. Каждая банка, каждая пачка, каждый пакет вызывали бесконечные споры. Раиса Павловна то и дело норовила сунуть что-то под прилавок, Серега постоянно отвлекался, Люся-порошок откровенно саботировала, делая вид, что пересчитывает одно и то же по десять раз. Марина не сдавалась. Она методично записывала цифры на оборотной стороне старых обоев, которые нашла в шкафу, и старалась не обращать внимания на враждебное молчание.

К вечеру она отпустила продавцов, сказав, что продолжит сама. Раиса Павловна только хмыкнула, Антонина Федоровна поджала губы, а Серега, кажется, был рад уйти. Марина осталась одна. Она пересчитывала всё заново, сверяла цифры, перекладывала банки и пакеты с места на место. Закончила уже затемно, при тусклом свете единственной лампочки над входом.

Итог был неутешителен. Магазин «Диетический» № 23 имел на балансе: три ящика консервированной морской капусты, двадцать четыре пачки соли, одиннадцать банок «Завтрака туриста», шесть бутылок подсолнечного масла сомнительного происхождения, пять пакетов лаврового листа, горку каменной соли весом примерно восемьдесят килограммов, полтора мешка муки второго сорта, мешок сахар-

ного песка, превратившийся в камень, два ящика пустых бутылок из-под «Нарзана» и коробку с «Лимпопо», которую привезли утром. Марина смотрела на этот список, и ей хотелось плакать. Не от жалости к себе, не от бессилия. От чудовищной, вопиющей несправедливости происходящего. Люди стояли в очередях за хлебом, а здесь, в подсобке, гнил картофель и плесневела мука. И где-то там, наверху, кто-то получал за это премии и ордена.

Вечером, когда уже совсем стемнело, Марина снова вышла в зал. Сквозь немытые окна пробивался тусклый свет уличного фонаря. Полки отбрасывали длинные уродливые тени. Ей вдруг показалось, что магазин — это не просто помещение с кассой и прилавком, а живое существо, умирающее от истощения. Существо, которому она дала клятву вернуть здоровье. Но сможет ли она? Сумеет ли?

Она подошла к двери и заперла ее на засов. Потом медленно прошла вдоль полок, провела рукой по холодному металлу. Подошла к хлебному прилавку. Там, на доске, остались крошки от утренних буханок. Она смахнула их ладонью. Завтра сюда снова придут люди. Они будут ждать хлеба, молока, масла. Они будут стоять в очереди и переговариваться вполголоса. И ей, заведующей, нужно будет что-то им сказать.

Она достала из кармана свой список. Внизу, под цифрами, дописала: «Начать с фасовки соли и муки. Выставить на витрину всё, что есть. Не прятать». Перечитала. Кивнула са-

ма себе. План был примитивным, почти бессмысленным. Но это был её план. Первый за эту бесконечную, чужую жизнь.

Глава 4. Фасовка

В пять утра, когда за окном еще висела густая, ватная темнота, Марина уже была на ногах. Она зажгла тусклую лампочку в подсобке (свет, как назло, горел вполнакала) и, вооружившись старыми газетами, ножницами и бечёвкой, принялась мастерить кульки. Газеты она нашла вчера в кладовке — стопка пожелтевших «Ленинградских правд» за прошлый год. Бумага пахла пылью и типографской краской. Марина резала её на квадраты, складывала конвертиком, стараясь, чтобы края получались ровными. Пальцы, непривычные к мелкой работе, слушались плохо. Чужое тело помнило свою моторику: руки Галины Соловьевой, огрубевшие от ящиков и авосек, двигались ловко, но непривычная задача сбивала ритм.

К семи утра на столе выстроились два десятка кульков. Марина критически оглядела их: один другого короче, с торчащими углами. Сойдёт для начала.

Она вышла в зал, когда небо за окном начало сереть. У дверей уже стояли первые покупатели — три женщины в платках, зябко кутающиеся в пальто. Они переговаривались вполголоса, но, заведев Марину, замолчали и уставились на неё с тревожным ожиданием.

— Магазин откроется в восемь, — громко сказала Марина, отпирая дверь. — Пока можете погреться внутри.

Женщины переглянулись и нерешительно вошли. Внутри было так же холодно, как снаружи, но хотя бы не дуло. Они сбились в кучку у входа, не решаясь пройти дальше.

Марина тем временем направилась к хлебному прилавку. Раиса Павловна, вопреки обыкновению, уже была на месте. Она раскладывала вчерашние буханки, пересчитывая их с таким видом, будто от этого зависела её жизнь.

— Доброе утро, — бросила Марина.

Раиса Павловна буркнула что-то неразборчивое.

— Сегодня начнём с фасовки соли, — продолжала Марина. — Я приготовила кульки. Возьмёте каменную соль, будете взвешивать по килограмму. Цена — как за килограмм соли. Насыпайте аккуратно.

Раиса Павловна замерла с буханкой в руках.

— Это как — фасовать? Соль-то и так кусками. Кто её по килограмму берёт? Люди привыкли кусок брать и грызть.

— Не грызть, а в суп. Или для засолки. Килограмм — удобнее. И быстрее: не нужно взвешивать при каждом покупателе. У вас уже готовый пакет, только пробить на кассе.

Раиса Павловна покачала головой, но спорить не стала. Достала из-под прилавка эмалированный таз, водрузила на весы и принялась откалывать от глыбы куски соли. Марина наблюдала за ней, чувствуя, как в груди растёт раздражение. Женщина двигалась медленно, с подчёркнутой ленцой, то и дело поправляя платок и бросая взгляды на дверь, словно ждала кого-то.

К восьми подошли остальные: Люся-порошок с неизменной мохеровой шапкой, Серега, протирающий глаза, молодая продавщица Леночка, которую Марина вчера так и не запомнила, и Антонина Федоровна, прямая, как штык, в своём бессменном тёмном платье. Птичья женщина, которую звали, как выяснилось, Капитолиной, явилась последней, поджав губы так, будто её заставили проглотить лимон.

Марина собрала их у прилавка.

— Сегодня работаем так, — сказала она. — Соль фасуем по килограмму. Муку — по два килограмма. Сахар — не трогаем, он в монолите. Консервы выставляем на полку, без задней мысли. Всё, что есть в подсобке, — в зал. Прятать ничего не будем.

— Как это «не будем»? — возмутилась Люся-порошок. — А вдруг свои придут? Им что, как всем, в очереди стоять?

— Да, как всем, — отрезала Марина. — Очередь — это честно. Если товар есть, он должен быть доступен каждому.

— Ну-ну, — хмыкнула Антонина Федоровна. — Посмотрим, что ты запоешь, когда из горторга нагрянут. Или когда с базы товар перестанут отпускать.

Марина проигнорировала её. Она повернулась к Сереге:

— Принеси мешок муки. И весы из подсобки.

Серега, позёвывая, отправился в подсобку. Остальные не двинулись с места. Марина чувствовала их сопротивление, как физическое давление: тяжёлое, вязкое, готовое в любой момент перерасти в открытый бунт.

— Леночка, — Марина подозвала молоденькую продавщицу. — Вы будете фасовать муку. Я покажу, как.

Леночка испуганно взглянула на Антонину Федоровну.

— Иди, иди, — процедила та. — Начальство приказало.

Девушка нерешительно шагнула к прилавку. Марина вручила ей совок и кульки.

— Насыпайте ровно два килограмма. Следите, чтобы весы были на нуле. И не забудьте взвешивать пустой кулёк — он тоже имеет вес.

Леночка кивнула, и работа началась. Медленно, неуверенно, с постоянными остановками. Раиса Павловна колола соль, Люся-порошок демонстративно перекладывала консервы с места на место, Капитолина стояла у окна и курила в форточку, пуская клубы дыма в холодное утро. Антонина Федоровна восседала на табурете за хлебным прилавком, как на троне, и наблюдала за происходящим с ледяным спокойствием.

Покупатели, заполнившие зал, с недоумением разглядывали полки, на которых появились товары. Морская капуста, соль, лавровый лист, «Завтрак туриста» — всё это, выложенное в ряд, выглядело нелепо на фоне пустых стеллажей. Но люди всё равно подходили, трогали банки, читали этикетки, перешёптывались.

Первая покупательница, та самая, что с утра стояла у дверей, нерешительно подошла к Марине:

— А масло подсолнечное у вас будет?

— Будет, — ответила Марина. — Шесть бутылок. Но только после переучёта. Пока могу предложить соль фасованную и муку.

Женщина кивнула и поплелась к прилавку с солью. Она взяла кулёк, подозрительно взвесила его на ладони, перевернула.

— А чё это за газета? — спросила она. — «Ленинградская правда»? Небось, чернила в соль отпечатаются?

— Не отпечатаются, — заверила Марина. — Бумага сухая.

— Ну ладно, — женщина недоверчиво сунула кулёк в авоську. — Давайте ещё этот... «Завтрак туриста». Три банки.

Люся-порошок, услышав про «Завтрак туриста», встрепенулась:

— А чего это три? Там же норма: не больше двух в одни руки.

— С каких это пор? — удивилась женщина.

— С сегодняшних, — отрезала Люся. — Начальство придумало.

Марина резко повернулась к Люсе:

— Люся, не выдумывайте. Никаких норм нет, — твёрдо сказала она. — Берите сколько нужно.

Люся-порошок метнула на неё злой взгляд, но промолчала. Женщина, обрадовавшись, схватила три банки и быстро отошла от прилавка.

Очередь зашевелилась, загудела. Люди потянулись к пол-

кам. Кто-то спрашивал про сахар, кто-то про масло, кто-то просто стоял и смотрел на товары с жадностью, смешанной с недоверием. Марина поняла: слух о том, что в «Диетическом» что-то дают, распространится быстро. И тогда начнётся настоящее столпотворение.

Она оказалась права. Уже через час у дверей магазина выстроилась длинная очередь. Люди стояли, перетаптывались, заглядывали в зал через грязные окна. Продавцы не справлялись. Раиса Павловна откровенно тормозила, взвешивая соль по сто раз. Люся-порошок отошла к окну и принялась переругиваться с Капитолиной. Серега, сходяв за мукой, пропал в подсобке.

Марина сама встала за свободный прилавок. Она отодвинула в сторону весы, схватила кулёк, совок и принялась насыпать муку. Движения её были резкими, но точными. Люди подходили, получали свой кулёк, отходили. Очередь продвигалась.

Краем глаза она заметила, как Антонина Федоровна позвала к себе Капитолину и что-то быстро зашептала ей на ухо. Та кивнула, потушила сигарету о подоконник и выскользнула из зала через подсобку. Марина нахмурилась, но не стала останавливаться. Некогда.

Внезапно дверь распахнулась, и в зал вошёл мужчина в сером плаще и шляпе, надвинутой на глаза. От него пахло табаком и одеколоном. Он оглядел зал, задержал взгляд на очереди, на Марине с совком в руках, на полках с товаром,

и усмехнулся.

— Здравствуйте, товарищи, — произнёс он негромко, но так, что все обернулись. — Я из Ленглавторга. Проверка. Попрошу заведующую подойти.

Марина отложила совок. Сердце ёкнуло, но она заставила себя сохранить невозмутимое лицо. Она вытерла руки о передник и шагнула навстречу.

— Я заведующая, — сказала она. — Слушаю вас.

Мужчина снял шляпу. Лицо у него было узкое, с тонкими губами и бесцветными глазами. Он оглядел Марину с ног до головы, задержался на её испачканных мукой руках.

— Что ж, пройдёмте в вашу контору, — предложил он. — Поговорим.

Глава 5. Проверяющий

Канторка Галины Соловьевой представляла собой узкую комнатуху без окна, пропахшую табаком и сыростью. Здесь стояли письменный стол с облезшей полировкой, два стула, один из которых шатался, и металлический шкаф для документов с погнутой дверцей. На стене висела пожелтевшая таблица «Нормы естественной убыли продовольственных товаров за 1985 год». Марина пропустила проверяющего вперед, чувствуя, как неприятно ноет в груди от предчувствия беды.

Мужчина сел, не дожидаясь приглашения, положил шляпу на стол и достал из внутреннего кармана удостоверение. Раскрыл, показал Марине, но слишком быстро, чтобы она успела прочитать.

— Коротков Геннадий Васильевич, — представился он. — Управление торговли Ленгорисполкома, отдел контроля за розничной сетью.

— Очень приятно, — сухо ответила Марина. — Соловьева Галина Степановна. Чем обязаны?

Коротков усмехнулся, обнажив ряд прокуренных зубов. Он откинулся на спинку стула, и тот жалобно скрипнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.